

брашно пребывающее в жизнь вечную, делателя полезны, поспешны в проповедь евангелскую, делателя, делающа спасение человеком: тацех делатель хошем и просим, тацех требует земля наша, якоже ты и сам веси нас не хуже» (стр. 88—89). Епифаний ссылается на авторитетный источник в том случае, когда ему необходимо поддержать, подтвердить сказанное им же. В плаче по Стефану дела последнего говорят сами за себя, и пермяне, обращенные Стефаном в истинную веру, скорбят о его смерти.

Писатель соединяет здесь пригчу о жатве, винограде и его делателе с апостольскими определениями добродетелей.

В отличие от уже рассмотренного фрагмента в этом периоде автор жития делает ударение не на эпитетах, определяющих достоинства святого, а на слове «делатель», которым символически обозначает подвижника; все же остальные определения святого служат как бы фоном для развития мысли о том, что Стефан — «делатель винограда Христова».

Почти во всех случаях для характеристики Стефана писатель нагнетает несколько эпитетов. Епифания не удовлетворяет один или два эпитета, он нанизывает их, казалось бы, без меры, однако при более пристальном рассмотрении всюду обнаруживается поэтическое задание, которое автор ставил себе.

В «Плаче пермских людей» Стефан вновь наделен целым рядом качеств, выраженных эмоциональными метафорическими эпитетами, но имеющими вместе с тем и оценочный характер: «Един тот был у нас епископ, то же был нам законодавецъ и законоположник, то же креститель и апостол, учитель, честитель, посетитель, правитель, исцелитель, архиерей, стражевож, пастырь, наставник, сказатель, отец, епископ» (стр. 88).

Плачи содержат эпитеты, которые раскрывают качества Стефана как пастыря пермян, как их проповедника. Окрашенные скорбью обращенных в христианство пермян, эпитеты в этих частях жития обладают особой эмоциональностью. Общий тон плачей, их назначение, связь с фольклором сказались в подборе и расположении эпитетов. Подчеркивая по-прежнему идеальный признак предмета, эти эпитеты разнообразнее и более, чем в других главах, отражают индивидуальность автора.

С воплями и жалобами воспринимают пермяне сообщение о смерти Стефана: «О люте вести тоя страшныя и пристранныя, увь мне, вести тоя пламенныя и горкиа и печалны, жалую тя пермьскаа церкви, и паку реку: жаль ми тебе, о злоприлучныя тоя вести, поведаючи церкви печаль ту» (стр. 91). Эти эпитеты яснее, проще, не имеют библейских аналогий, а следовательно, не нуждаются и в толкованиях; они имеют черты, сближающие их с народной речью. Семантический характер рассматриваемых эпитетов различен, несмотря на то что в данном примере все эпитеты определяют одно и то же существительное — «вести».

Речь может идти о таких стилистических функциях эпитетов, как создание «высокости», некоего священного ореола. Епифаний придавал существенное значение расположению слов. Не случайно и в данном примере настойчивое трехкратное повторение слова «вести», к которому и относятся все эпитеты.

Некоторые эпитеты в житии можно отнести к типу постоянных, пользуясь терминологией фольклористов, во всяком случае постоянных для данного жанра, так как они употребляются и во многих других житийных произведениях. Это такие эпитеты, как «доблий», «святый», «блаженный», «божественный», «непорочный», «светлый», «грешный», «истинный», «добрый», «словесный» и др.